

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

Черный Баламут

Генри Лайон Олди
ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ

Мир стоит на пороге Кали-юги, Эры Мрака, миллионы существ гибнут в Великой Битве. Зарницы небесного оружия полыхают над Полем Куру, сжигая все живое, и даже боги-Миродержцы не в силах остановить бойню. Над пепелищем старого мира встает призрак мира нового — Господь Кришна, Черный Баламут с неизменной флейтой в руках.

А перед могучим Индрой-Громовержцем шаг за шагом разворачиваются жизни трех учеников великого аскета Рамы-с-Топором — кшатрия Гангеи Грозного, брахмана Дроны и Карны-Секача, сына возницы, самого свободного человека державы Кауравов. Судьбы обычных людей и царей Хастинапура, судьбы небожителей и их земных воплощений, о чем повествовали и умалчивали древнейшие мифы Индии, стали основой для «Черного Баламута», грандиозного романа-эпопеи, одного из самых значительных произведений Г. Л. Олди.

Оглавление

ОСОЗНАНИЕ ВЕЧНОСТИ

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

ПРОЛОГ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА

ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц Магха, 27-й день

НАЧАЛО КОНЦА

Глава I

КОГДА БОГИ МОРГАЮТ

Глава II

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

Глава III

СВАСТИКА ЛОКАПАЛ

Глава IV

ОТЕЦ И СЫН

Глава V

ПЕСНЬ ГОСПОДА

КНИГА ВТОРАЯ

ГАНГЕЯ ГРОЗНЫЙ ПО ПРОЗВИЩУ ДЕД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЛАДЕНЕЦ

Глава I

ДИТЯ, КОТОРОГО НИКТО НЕ ХОТЕЛ

Глава II

МАЛЫШ ГАНГЕЯ — ТЮРЬМА ДЛЯ БОГА

Глава III

СКАЗАНИЕ О ДОБРЫХ ДЯДЯХ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНИК

Глава IV

ДОРОГА В ОСТРОВНОЙ АШРАМ

Глава V

ЗАПАХ РЫБЫ

Глава VI

ЛЮБОВЬ ОПЕКУНА И ТОПОР РАЗРУШИТЕЛЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАСЛЕДНИК

Глава VII

ГОРОД СЛОНА

Глава VIII

СУДЬБА ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ

Глава IX

ГРОЗНЫЙ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РЕГЕНТ

Глава X

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ С НЕБА

Глава XI

МЕРТВЕЦЫ НЕ ЛГУТ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ОПЕКУН

Глава XII

МАТЬ, МАТУШКА И МАМОЧКА

Глава XIII

ОТВЕРЖЕННАЯ

Глава XIV

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ СО СЛОВА «НЕТ»

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ДЕД

Глава XV

ВЕЛИКАЯ БХАРАТА

Глава XVI

ЧЕРНЫЙ ОСТРОВИТЯНИН

Глава XVII

В ТОЙ СЧАСТЛИВОЙ СТРАНЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА
ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц Магха, 27-й день

НАЧАЛО КОНЦА

Глава VI

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ГРОМОВЕРЖЦА

СЕТЬ ДЛЯ МИРОДЕРЖЦЕВ

ПРОЛОГ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА

ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц Магха, 28-й день

БЕСПУТСТВО НАРОДА

ГЛАВА I

РАЙСКИЕ ДЕМОНЫ

ГЛАВА II

ИСПОВЕДЬ УБИТОГО УБИЙЦЫ

ГЛАВА III

БОГАМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

ГЛАВА IV

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЛОВЕЩЕГО МУДРЕЦА

КНИГА ВТОРАЯ

НАСТАВНИК ДРОНА ПО ПРОЗВИЩУ БРАХМАН-ИЗ-ЛАРЦА

ЧАСТЬ I

ДИТЯ

ГЛАВА I

ПТЕНЕЦ ЧРЕСЛ МОИХ

ГЛАВА II

ЛЮБИ МЕНЯ БОЛЬШЕ ВСЕХ

ГЛАВА III

ЗАКОН И ПОЛЬЗА

ЧАСТЬ II

ОТРОК

ГЛАВА IV

ЗАКРЫТЫЙ ЛАРЕЦ

ГЛАВА V

СЕТЬ ДЛЯ МИРОДЕРЖЦЕВ

ГЛАВА VI

НАЧАЛО БЕЗНАЧАЛИЯ

ЧАСТЬ III

СТРАННИК

ГЛАВА VII

ДВАЖДЫРОЖДЕННАЯ

ГЛАВА VIII

ПО ОБЫЧАЮ РАКШАСОВ

ГЛАВА IX

БОЙ-В-СВЯТОМ-МЕСТЕ

ЧАСТЬ IV

ИЩУЩИЙ

ГЛАВА X

ТОПОР-ПОДАРОК

ГЛАВА XI

КШАТРИЙ БРАХМАНУ НЕ ТОВАРИЩ

ГЛАВА XII

ЛЮБИТЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ

ЧАСТЬ V

НАСТАВНИК

ГЛАВА XIII

ОТ ИМЕНИ П ПО ПОРУЧЕНИЮ

ГЛАВА XIV

РОЖДЕНЬЕ НА ПОГИБЕЛЬ

ГЛАВА XV

ГРЯЗНЫЙ НИШАДЕЦ

ГЛАВА XVI

ЛЮБОВЬ ПРОТИВ ПОЛЬЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА

ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц Магха, 28-й день

БЕСПУТСТВО НАРОДА

ГЛАВА V

И ТЫ, КРИШНА?!

ИДИ КУДА ХОЧЕШЬ

ПРОЛОГ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА

ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний месяц, Магха, 29-й день

ДОСПЕХ С ЧУЖОГО ПЛЕЧА

Глава I

БОГ, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН

Глава II

ПРИНАДЛЕЖИТ МАРОДЕРАМ

КНИГА ВТОРАЯ

КАРНА-ПОДКИДЫШ ПО ПРОЗВИЩУ СЕКАЧ

Часть первая

ПОДКИДЫШ

Глава I

БРОСЬ СЕРДЦЕ В ВОДУ

1

КОРЗИНА

2

ПОСЛАНЕЦ

3

СМЕРТЬ

4

СОЛНЦЕ

5

ДВОЕ

Глава II

ГОНГ СУДЬБЫ

1

СУТА

2

МАЛЫШ

3

СЛЕПЕЦ

4

ПИР

5

ДРАКА

Часть вторая

СУТИН СЫН

Глава III

ВСЕ ЗЛО ОТ ЛАНЕЙ

1

БАБЫ

2

КОСТЕР

3

СОВЕТ

4

ПРОКЛЯТИЕ

5

МОЛВА

Глава IV

ЧУЖИМИ РУКАМИ

1

ТОНУЩИЙ

2

НАСТАВНИК

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ

4

АРЕСТ

5

ПОБЕГ

6

ОТВЕТ

Часть третья

БЕГЛЕЦ

Глава V

СВОБОДА ВЫБОРА

1

НИШАДЕЦ

2

СОБЕСЕДНИКИ

3

ПРОБУЖДЕНИЕ

4

ВСТРЕЧА

Глава VI

СВЯТЫЕ МОЩИ

1

ДОРОГА

2

МОЩИ

3

ЧЕРВЬ

Глава VII

УЧЕНИК МОЕГО УЧИТЕЛЯ

1

ГРОЗНЫЙ

2

ДРОНА

3

АРДЖУНА

4

ЦАРЬ

5

ПОКЛОН

Часть четвертая

РАДЖА

Глава VIII

ГОРИ ОНИ ВСЕ СИНИМ ПЛАМЕНЕМ

1

ПОСЛАНЕЦ

2

ПОДОЗРЕНИЯ

3

ХИДИМБА

4

ПОДВИГ

5

СКАНДАЛ

6

УСЛУГА

Глава IX

ИНДРОГРАД РОЖАЕТ ГОСПОДИНА

1

ВЫЗОВ

2

БЕШЕНЫЙ

3

ЦАРИЦА

4

СОВЕТ

Глава X

СОКОЛ БЬЕТ БЕЗ ПРОМАХА

1

ПРЕТЕНДЕНТЫ

2

ИГРА

3

РАБЫ

4

СЕТОВАНИЯ

Часть пятая

СЕКАЧ

Глава XI

СКАЗАНИЕ ОБ УСИЛИЯХ ЦАРЕЙ

1

РАЗГОВОР

2

ДОНОС

3

УГРОЗА

4

ПОСОЛ

5

РАЗВЯЗКА

6

ПРИЗЫВ

Глава XII

СКАЗАНИЕ ОБ ОСУЖДЕНИИ КАРНЫ

1

ПЕСНЬ

2

АВАТАРА

3

ОТЕЦ

4

МАТЬ

5

СЕКАЧ

6

БОГ

7

ОСУЖДЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ИНДРА-ГРОМОВЕРЖЕЦ ПО ПРОЗВИЩУ ВЛАДЫКА

ТРИДЦАТИ ТРЕХ

Зимний Месяц Магха, 29-й день

ДОСПЕХ С ЧУЖОГО ПЛЕЧА

Глава III

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ ГОСПОДА

1

2

3

4

5

ЭПИЛОГ

ГЛОССАРИЙ
Иллюстрации

ОСОЗНАНИЕ ВЕЧНОСТИ

«Чем славится индийская культура?» — спросил в давние годы некий бард.

Его ответ, нам всем известный, ныне нуждается в уточнении. Артиста Раджа Капура мы подзабыли, многорукого и клыкастого Шиву так толком и не узнали, а йоги тихо адаптировались и растворились в родных просторах. Зато некоего земляка всех вышеупомянутых довелось изучить поближе. Вот уже не первый год покоя нет от оранжевых балахонов, бритых голов и чего-то гремящего — то ли литавр, то ли кимвалов. И стоит многогласый вопль над страной: «Харе-харе!» Юный пастушок с дудочкой, до всяческих утех гораздый, пасет плешивое стадо. Близок стал он нам, Господь Кришна. Даже ээки, души отпетые, целое слово придумали: «харекришничать» — то бишь дурака валять, под верующего «каная». Странно, поистине странно сопрягаются цивилизации!

Честно говоря, путь Генри Лайона Олди от мира Бездны через мир Мечей, просторы златовратных Микен и густонаселенного Китая напрямик к пастушку с дудочкой поначалу насторожил. А если и не насторожил, то вверг в определенное недоумение. Дивны пути творчества! Чуден его поток, несущий авторов от книги к книге через водовороты и мели. На первый взгляд, странные дела творятся. Генри Лайон Олди тем и прославился (-лись), что еще во «времена укромные, для нас «почти былинные», сумел (-ли) на выжженной почве советской фантастики промеж ржавых звездолетов с серпами-молотами создать свой мир, потрясший воображение фэнов; да так, что доверчивый люд разом зачислил Дмитрия Громова и Олега Ладыженского в англичане. Ибо не под силу

нашим, загрузим в «твердой НФ», миры творить! Ходили, ходили легенды по фэндому, что ежели сэр Олди и не в родстве с Профессором, то по крайней мере из его гнезда, из славных «инклингов». И до сих пор переиздают «Бездну Голодных глаз», уже ставшую классикой постсоветской фэнтези.

А следом появился «Путь Меча» — и вновь восхищенный вздох. Казалось бы, вот он путь, вот он, стрежень! Ибо сие суть пилотаж высший, мало кому доступный — творить свои миры. Именно свои — не ублюдочные подобья западных эпигонов с баронами-драконами, а нечто совсем новое и, одновременно, странно узнаваемое. И стал всем, кому фантастика мила, ведом писатель Олди, творец Миров. Но вдруг... Но вдруг авторы пишут о Геракле. Да так, что не фэны (что фэны, народ простой и доверчивый!), сами издатели посчитали новый роман историческим. Издать — издали, и хвалить — хвалили (и впрямь — прогремел «Герой», до сих пор отзвуки слышны), но вопрос остался. Зачем?! — из миров сотворенных в мир реальный (или почти реальный, но для простодушного читателя сей нюанс не всегда уловим).

А следом — Карпаты позднего средневековья, монастыри и дворцы Китая... Что это с нашим англичанином? Зачем из бога-творца, Миры создающего, в археолога превращаться? И ведь что любопытно? Не один сэр Олди таков. Ежели его коллег, на эсэнгэшных просторах тусующихся, взором окинуть, то руками разведешь. И землячка нашего англичанина, госпожа Мэдэлайн Симонс, и godfather Сатанга одессит-москвич Вершинин — все туда же, в Историю, в самую глубину. Почему? Почему новый роман Генри Лайона Олди повествует об Индии бронзового века, а не к примеру о стране Ы, что спряталась в параллельной вселенной У?

Ответ первый, неточный — реальная Матушка-история такое накрутить может, что самому Профессору не снилось. И не во грех Профессору сказано сие, ибо мир этот грешный сотворен Тем, перед Которым наши доморощенные демиурги все же слабоваты. Так что же, апелляция к Истории — нечто вроде свидетельства о бедности? Но ведь в том и вызов, в том и соблазн — попытаться, сотворить, построить! Удалось же Профессору, удалось Льюису, удалось леди Урсуле! И сэру Олди тоже удавалось, о том речь уже шла!

Да, ответ неточен, и мигом напрашивается ответ второй. А суть в том, что сам вопрос некорректен. В Историю ли ныряют почтенные авторы со своей творческой ладьи? Или миры, в которых их герои ныне здравствуют нам на радость, все-таки не такие уж реальные? Пусть и Микены существовали, и Алкид подвиги совершал, и даже кентавры Пелион копытами попирали (кто ее ведает, эволюцию?), но Мир Олимпийцев и Мир Старых — это уже точно нечто, в учебниках незафиксированное. И Великий Здрайца, по дорогам Речи Посполитой шастающий — откуда он? Откуда черти китайские? Где-то здесь — ответ. Нет, не упростили авторы себе задачу, а лишь сложнее сделали. Ибо теперь в их романах — не просто сотворение Миров, а их сопряженность. Мир, когда-то реальный, подлинный до последней заклепки на доспехах. Мир небывший, но памятный — фольклорный, в сагах и рагах до нас дошедший. И Мир авторский, в оба первых Мира проникающий.

Выходит, что берут на себя авторы всю тяжесть теодицеи — великого вопроса, который еще в древнем Шумере покоя людям не давал. Люди и боги, мир Земной и мир Небесный... Откуда Зло? Откуда мы? Кто мы? Куда идем? И если искать ответ, то именно в таких мирах, которые ныне творит двуликий сэра Олди.

Все верно. Но почему ответы должно искать в Индии? И не спешите обвинять: дескать, культура Индии (как известно, древняя и великая) не любя автору этих строк. Напротив. Но всему свой час и свой предел. Что нам «Махабхарата» и что мы «Махабхарате»? Был, был у меня знакомый, все тома великой эпопеи скупал подчистую. Скупить-то можно, томов двадцать пять по слухам, но прочитайте! понять! и тем более рассказать по-своему! Да и зачем, спрашивается? Ну, Кришна, ну, суры-асуры, в смысле боги-демоны, с клыками и без; ну, очередная Империя-монстр, строенная, строенная — и недостроенная.

Толку-то? Ближе, что ль, примеров не найдем?

Правда, этакая странность — с первых же страниц нового романа подмечаешь близкое дуновение. Мелькнет словечко-другое — и русским духом повеяло. Эх, Русь-Гималаи, близнецы-братья из одного арийского стана! Там слово, там фраза, а вот и персонаж явно из ближних палестин. Агни превращается в Огонь, Варуна в Бурун-Водоворот, барбары, как выясняется, и в долине Инда именно барбары, в смысле «заики-дикари»... И не заметишь, как зеленые индийские просторы Бог всть какого тысячелетия «до» начинают снегом покрываться. Натяжка? Прием? Правда? В конце концов, отчего бы и нет? Если благодаря взгляду в несусветную даль мы станем хоть чуть-чуть зорче к собственным осинам!

Но авторы посмеиваются втихомолку: слой этот лишь первый, как кожура бесконечной луковицы.

И вправду. На Поле Куру который день миллионы людей перемалывают друг друга, не хуже чем под Сталинградом или Берлином, а бог Индра-Громовержец вяло занимается самокопанием, выискивая причину утреннего сплина. Что ему очередное побоище? Разве что косым взглядом скользнуть, перед тем как потрепать по соответствующему месту подвернувшись

под руку апсару. Богу, как известно, богово, ему мир поддерживать, энергетическое равновесие хранить! Свастика Локапал — это вам не кровушкой спозаранку умываться! Вот она, божья работенка: полдесятка небожителей мысленным оком мир обнимают. Человеки, человеки, судьба ваша муравьиная! Ну, еще одну империю сооружать вздумали, еще одну башню вавилонскую громоздить!

Смешно богу, странно — и не особо интересно.

Снимаем кожуру дальше и видим нечто новое, нам, европейцам, дивное. Эх, напрасно Индра, молодой да глупый, на апсар поглядывает да с Гарудой-Проглотом лясы точит! Ибо странно сотворен сей мир — человек-букашка тоже способен на потрясение основ. С миру по нитке, с доброго дела по щепотке — и набирается Сила, копится Жар, пред которым и господа боги щенками выглядят. В стороне западной, где Зевсы с Прометеями никак ужиться не могут, сие богоборчеством сочли бы; а здесь — в самый раз. Не остается праведник без награды, да вот беда — награды он себе может востребовать всякой. В том числе и такой, от которой Мироздание вверх тормашками станет. Поистине Индия — страна чудес! Последний негодяй и мерзавец главу пеплом осыпет, пару пятилеток на гвоздях поспит — и сам, глядишь, богом станет. Разберись, Индра!

Некогда, некогда Индре разбираться. Сплин во-первых, а во-вторых, собственные коллеги то и дело норовят учинить бучу. То Шива, который многорук и клыкаст, то братец Вишну; а вон на горизонте и пастушок Кришна промелькнул. Тот самый: Кришна Джанардана, Черный Баламут. Не зря назван, ибо задумал... впрочем, время прикусить язык.

Сии тайны пусть читатель сам откроет.

Боги, боги! Может, правы язычники? — чем-то они на нас, людей, похожи. Если так — ну и Бог (который Истинный) с ними! Да в том беда, что не могут они без

людей. Очень нужны им люди для божественного штукарства. Страшно нужны!

И порою — очень страшно...

Внимание, читатели! Внимание, ценители философских боевиков Генри Лайона Олди! Вот оно, наконец, главное, что легко ухватывается во всех мирах, сотворенных единым в двух лицах писателем! Боги и люди, всеильные и бессильные — по очереди. Красная нить, затканная во все полотна. Боги нужны людям — а как иначе? Но и люди нужны богам! Хотя бы для игры в шахматы — вместо пешек. Ведь и шахматы изобрели аккурат там же, где Шива с Вишну обретаются.

Пройдет пешка долгий путь, глядь — ферзь на доске, отойди-подвинься!

И это было. Читавшие роман о Геракле, о героёмолнии, выращенном Зевсом и Ко на страх супостатам, конечно, помнят. Но каша, заваренная Черным Баламутом, куда круче. Боги-олимпийцы — сущие дуболомы по сравнению с их «коллегами» со склонов Гималаев. Даже не дуболомы — пеньки. Под индийским небом готовятся дела пострашнее. Финал мы уже видим с пролога: Армагеддон на Поле Куру, когда родичи и друзья рвут друг друга в клочья, словно потеряв (а порой и вправду потеряв) разум. Но это убийство миллионов готовилось долго — очень долго, не год, и не десять лет.

А началось все с маленького мальчика, которому пришло время найти подходящего учителя...

Вновь вспоминается: юный Алкид рядом с Хироном Кронидом, разве что Алкида зовут теперь Гангеей Грозным, а Хирона — Рамой, и не просто Рамой, а Рамой-с-Топором. Что поделать — вечный сюжет! Все народы — братья, и мифы, ежели подумать, лишь вариации на тему единого мотива. Но сходство это лишь кажущееся. Иная судьба будет у Гангеи Грозного, иной ему крест нести — и крест этот, пожалуй, тяжелее, чем у его

далекого собрата. Не крест даже — Сизифов валун. Конечно, у Геракла — и Гидра, и Кербер, и божественные родственнички впридачу. Но царевичу Гангее тоже выпадет нелегкий путь.

Путь человека — от мальчугана-пустосмеха до седого правителя, вечного регента — и есть, пожалуй, самое главное и интересное, что имеется на страницах этой непростой книги. Люди остаются людьми, что бы ни делали с ними небесные штукари. Эта вечная констатация вовсе не основание для гордыни. Отнюдь! Человек не всегда звучит гордо. И не только потому, что слаб. Сотворенный (в данном, индийском случае, неким Плотником) по образу и подобию, он и сам принимается творить. Увы, увы! Недалеко ушел человек от небожителей! Иногда такое сотворит, что и Шиве, многорукому и клыкастому, дивно. Дивно будет и читателю, пустившемуся в путь вместе с царевичем Гангеей. Славная Индия седых времен с новорожденными кастами и замшелыми (не с палеолита ли?) традициями ничуть не понятнее, не лучше и не гуманнее нашего XX века. И что скверно — большую часть трудностей сам человек и воздвиг!

Читателю впору воскликнуть: «Да чего же вы там, братья?! Зачем вам себе западни рыть? Зачем строить очередную башню вавилонскую? Неужели опыт тысячелетий...» Стоп, стоп, стоп! Во-первых, у Гангеи и его земляков этого опыта как раз и нет. Они, их жизни, и станут опытом — для нас, ничему не научившихся. Вот она, связь времен! Люди остаются людьми — точнее, младенцами, не помнящими уроков. И об этом тоже говорится в романе. А во-вторых, все еще сложнее, еще горше. Горе тому, кто желает обмануть малых сих. Горе богу, желающему сыграть в шахматы миллионами обреченных фигурок. Горе Черному Баламуту, который...

Но об этом лучше узнать, прочитав книгу.

Первый том — лишь начало. На полях Куру погибают последние бойцы, Индру-Громовержца все еще терзает сплин, а параллельно развивается история, долгая, как жизнь, и как жизнь интересная. История о богах и людях далекой и непонятной Индии, которая, ежели приглядеться, оказывается не такой уж далекой и вполне понятной. И я надеюсь: это понимание, которым щедро делятся с нами авторы, позволит хоть чуть-чуть, но приблизиться к пониманию Вечности, из которой мы вышли и в которую вернемся.

Откройте «Черного Баламута» — время, потраченное на это, воистину будет потрачено не зря.

Шмалько Андрей Валентинович, кандидат исторических наук.

ГРОЗА В БЕЗНАЧАЛЬЕ

Подвижничество — безвредно, изучение наук — безопасно, предписания Вед согласно каждой касте — не пагубны, обогащение при помощи стараний — не предосудительно, но они же, примененные с дурным умыслом, ведут к гибели.

Махабхарата, Книга Первая, шлоки 210

Земля — зола, и вода — смола,
И некуда вроде податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!
Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет.
— Я знаю, как надо!
Кто скажет,
— Тому, кто пойдет за мной,
— Рай на земле — награда!

А. Галич

ПРОЛОГ

Пестрый удод был очень занят. Пополудни он чуть было не достался старому коршуну-проглоту с отрогов Махендры, Лучшей из гор (бедняга удод возражал против такого определения, но его мнением никто не интересовался), и теперь приходилось наверстывать упущенное. О Гаруда, мощнокрылый царь пернатых, способный нести землю на одном крыле! До чего же глупо поступают люди, используя зернышки плодов акша-дерева в качестве игральных костей! Игра — штука ненадежная: сегодня тебе везет, а завтра последние перья сдерут, вместе с кожей, тонкой, ни на что не годной кожицей в синих пупырышках! Мудрые знают: куда полезнее без затей клюнуть зернышко, запрокинуть голову, глотнуть, клюнуть другое, третье...

На миг оторвавшись от увлекательного времяпрепровождения, удод вздрогнул и подпрыгнул, тряся пушистым хохолком. Нет, почудилось. И все же: словно листья на ветвях, колеблемые ветром, вдруг издали глухое бряцание, как доспехи под мечами, словно шелест травы наполнился звоном металла и ржанием коней, словно в лепете серебряного ручья прорезались гневные возгласы и хрип умирающих, словно уханье боевых слонов вплелось в птичий гам... Еле слышно, на самой границе доступного — иллюзия, майя, любимое развлечение судьбы.

Пришлось склевать зерно-другое для успокоения бешено стучащего сердечка. Закусив тутовым червячком, маленький удод перепорхнул ближе к корявому стволу шелковицы. Закопошился меж корней, выступавших наружу узловатыми жилами, встопорщил оперение, и тут же, судорожно заработав крыльями, вернулся на прежнее место.

Воистину сегодняшний день обладал всеми неудачными приметами: от шакальего воя с левой стороны света до карканья голубой сойки-капинджалы с правой! Вряд ли можно назвать удачей попытку клюнуть желтый ноготь на ноге отшельника-аскета — пусть неподвижность человека и была сродни неподвижности вросшего в землю валуна. Даже длинная грязно-седая коса, похожая на мочальный жгут, не колыхалась от ласки ветра — змеилась себе вдоль торчащих позвонков хребта, раз и навсегда застыв проволочной плетью.

Всю одежду недвижимого обитателя Махендры составляла узкая полоска грубой ткани, прикрывающая чресла, над правым плечом вился слепень, жужжал раздраженно, но не садился. То ли понимал, что здесь особо нечем поживиться, то ли был прозорливее глупого удода.

Птица склонила головку набок и сверкнула черной бусиной глаза.

Словно в ответ, веки отшельника дрогнули. Качнули выцветшими ресницами, и вскоре в провалах глазниц заплескались озера кипящей смолы, заходили крутыми валами, ярясь агнцами-барашками, будто адская бездна Тапана смотрела на мир из души аскета. Такой взгляд подобает не дважды рожденному брахману, погруженному в созерцание истинной сущности, а скорее гневному воину-кшатрию, чей закон и долг — пучина битвы и защита подданных. Вряд ли причиной выхода из отрешенности послужил глупый удода: захоти аскет, пламени его взора хватило бы, чтоб испепелить на месте любого виновника. Окажись дерзкий великим раджой, владыкой людей, лохматым ракшасом-людоедом или божеством из Обители Тридцати Трех — все равно, пепел есть пепел, чей бы он ни был.

Пришпиленная к земле этим страшным взглядом, птица затрепыхалась, не в силах сдвинуться с места.

Даже не сообразила, бедняжка, что аскет обращает на нее внимания не более, чем на жужжание слепня или на вечное движение Сурьи-Солнца по горбтому небосводу.

Сухие губы человека разлепились, дернулись струпьями вокруг застарелой язвы рта, и во вновь упавшем из ниоткуда шуме битвы родились слова.

Шершавые и пыльные, не слова — песок в горсти.

— Они все-таки убили его... бедный мальчик!

Удоду чудом удалось извернуться и забиться в спасительную гущу олеандровых кустов. Протискиваясь глубже, пытаюсь стать маленьким, меньше муравья, он вжимал головку в перья, а слова догоняли, ранили, тыкали в тощие бока пальцами, и клюв коршуна показался в эту минуту чуть ли не избавлением от мук.

— Бедный мальчик! Если б они еще ведали, что творят...

Пальцы аскета червями соскользнули с пергаментной кожи бедра — только сейчас стало отчетливо видно, что отшельник чудовищно, нечеловечески стар, — и раздвинули стебельки травы рядом с левой ягодицей. Жест был машинальным, неосознанным, и кончики непослушных пальцев мигом замерли, вместо земли погладив холодный металл: рядом с огненноглазым аскетом, ушедшим от мира, лежал топор... нет, боевая секира, на длинном древке, увешанном колокольцами. Тонкое полулунное лезвие украшала гравировка. Белый бык, грозно вздыбивший косматую холку. Тавро Шивы-Разрушителя.

Даже в пламени костра этот металл оставался ледяным, подобно снегам Химавата.

— Бедный мальчик, — еще раз повторил аскет и устало смежил веки.

Храп бешеных коней ушел из журчания ручья, лязганье металла покинуло шелест листвы, и в

недовольном ворчанье слепня перестал крыться скрежет стрелы, скользящей по панцирю.

Только где-то далеко плакала женщина, захлебывалась рыданиями, но и плач в конце концов стих.

Воздух плавился под лучами заходящего солнца.

Тишина ненадолго воцарилась на поляне. Вскоре покой Махендры, лучшей из гор, опять был нарушен: приближался кто-то шумный и совершенно не намеревающийся скрывать свое появление. Хруст, шорох, раздраженный рык, проклятие острым шипам, которые имеют привычку исподтишка втыкаться в бока почтенным людям — и спустя миг между двумя розовыми яблонями объявляется кряжистая фигура нового гостя.

О таких говорят, что они способны переבודать буйвола. Особенно если учесть, что пришелец незадолго до того приложился к сосуду с хмельной гаудой, крепким напитком из патоки. И, судя по покрасневшим белкам глаз и аромату хриплого дыхания, приложился не единожды.

— Приветствую тебя, Бхаргава^[1], — громогласно возвестил гость, нимало не стесняясь нарушить своим воплем покой святого человека.

После чего вперевалочку принялся совершать ритуальный обход сидящего по кругу слева направо — символ почтения, уважения и всего хорошего, что только можно символизировать на этом свете.

Богатые одежды любителя гауды пребывали в живописнейшем беспорядке, косо повязанный тюрбан из полосатого шелка норовил сползти на брови, а пятна жира вперемешку с винными кляксами украшали ткань в самых неожиданных местах.

— Не ори, тезка, — по-прежнему с закрытыми глазами ответил аскет. — Ты что, за последнее время

научился обходительности — именуешь меня безличным именем? Я — Бхаргава, мой отец — Бхаргава, дед мой — тоже Бхаргава, и так до самого родоначальника Бхригу... а он, как известно тебе не хуже меня, детишек настрогал — любой позавидует! Любил старик это дело...

Гость смущенно засопел, прекратив обход на середине круга.

Услышав такое сопение, даже носорог, пожалуй, пустился бы бежать без оглядки.

— Сам знаешь, — сообщил гость, глядя в сторону и стараясь не дышать на аскета, — норов у тебя еще тот... Собачий норов, не сочти за грубость. Раз на раз не приходится. Что ж мне, так и заявлять: дескать, Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач желает здравствовать Рама-с-Топором? А тут как раз тебя пчела в задницу укусила, ты меня возьмешь и проклянешь сгоряча — мотайся потом крысиным хвостом лет эдак двести! Нет уж, лучше мы по старинке, как положено...

— Ну и дурак. — Слышать такое от аскета, лишенного страстей, было по меньшей мере странно. — Сказал бы то же самое, но вежливенько, на благородном языке дважды рожденных или хотя бы на языке горожан и торговцев, а не на этом жутком наречии пищачей-трупоедов, которым только спяну чепуху молоть! Вот и вышло бы: Баларама Халаюдха, Владыка ядавов, Приветствует Парашураму, тишайшего отшельника, сына Пламенного Джамада! Как звучит, тезка! Хоть в Веды вставляй, для примера юношам! Учить мне тебя, что ли?

— Тишайшего, — со значением хмыкнул Баларама, Довольный таким поворотом разговора. Во всяком случае, проклинать его аскет явно не собирался. — Меня, что ли, именуют Истребителем Кшатры? Я, что ли, гулял в Пятиозерье со своим топориком, да так гулял, что в каждом озере кровь вместо воды потекла? Я, что

ли, своих предков этой самой кровушкой вместо святых возлияний поил?! Лес вокруг тебя — он и впрямь тишайший...

— Был. Пока ты через него не поперся, — закончил аскет, любовно поглаживая лезвие секиры. — Лучше ты мне вот что скажи. Здоровяк, раз явился... Ты единственный, кто устранился от этого побоища, которое они гордо именуют Великой Битвой?

Баларама подошел поближе и уселся прямо на траву скрестив ноги. Теперь стало видно, что он отнюдь не так пьян, как хотел казаться, и что Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, что называется, с младых ногтей привык управляться со своей непомерной силой. Садился тихо, бесшумно, словно не он только что ломился сквозь чащу бешеным ведром, мощные руки, напоминающие два слоновьих хобота, скрестил на груди, боясь задеть невзначай что-либо — видать, не раз задевал, и последствия были Балараме хорошо известны.

— Не единственный, тезка. Еще Рукмин из племени бходжей.

— Рукмин-Бходжа? Ученик царя оборотней Друмы? Владелец одного из трех Изначальных Луков?! Интересно, как ему это удалось?

Баларама покусал губу, отчего его пышные усы встопорщились, и недоверчиво покосился на Раму-с-Топором. Было видно, что он полагает малую осведомленность аскета исключительно притворством, но заострять на этом внимание не решается.

Уж лучше ответить, когда спрашивают...

— Хитрец Рукмин перед самой битвой явился по очереди к предводителям обеих сторон. Явился шумно, с кучей войска, с гонгами-барабанами, и начал с одного и того же заявления: «Если ты боишься, о повелитель, то отринь страх: я — твоя защита в сражении!»

Аскет шипяще расхохотался, прогнув тощую спину.

Ни дать ни взять священная кобра раздула клобук и напомнила тварям, кто есть кто.

— Ах, умница! Узнаю школу Друмы-оборотня! Ну конечно же! Небось оба ответили ему: «Это я-то боюсь?! Это ты...»

— Вот-вот! Только в несколько иных выражениях! А Рукмин, не будь дурак, извинился, развернулся и поехал себе домой с чистой совестью! Разве что лук свой, один из Троицы, подарил — сам небось знаешь, кому!

В чаще раздался скрипучий вопль тоскующего павлина. Приближалась васанта — сезон весенних дождей, — и радужные хвосты птиц помимо воли раскрывались веером, а длинные глотки рождали звуки, свойственные скорее разгулявшейся нежити на заброшенных кладбищах.

Ругнувшись сгоряча, Баларама моргнул и сам же широко улыбнулся, дивясь своей вспыльчивости.

— Орет как оглашенный, — буркнул силач, словно извиняясь. — И как ты спишь на этой Махендре? Павлины вопят, муравьи в нос заползают, того и гляди змея за ляжку цапнет!

— Меня змеи не трогают, — сухо отозвался аскет, больше занятый обдумыванием поступка хитроумного Рукмина.

— Это верно. Главное, чтоб ты их не трогал... шучу, шучу! Люди опаснее змей, отшельник. Пройдет время, и все припомнят: кто от бойни уклонился, кто на Махендре задницу просиживал, пока ученики любимые головы клали, братьев-дядьев стрелами истыкивали! Все вспомнят, все, ни единой капельки не обронят!

— Если будет кому вспоминать, — шевельнулись сухие бескровные губы.

— Твоя правда. Только...

Баларама вдруг дернулся, судорожно потрянув широченными плечами, и уставился на аскета, будто впервые обнаружив его сидящим на поляне.

— Тебе было видение? Да, тезка?!

— Да, Здоровяк. Мне было видение. Сегодня они убили последнего из моих учеников. Вначале пал Дед, за ним — Брахман-из-Ларца, а теперь пришла очередь Секача. Мы стоим на пороге Кали-юги, тезка, на пороге Эры Мрака.

— Которая закончится гибелью мира?

— Не болтай глупостей. Рама-Здоровяк по прозвищу Сохач, сводный брат Черного Баламута, знает не хуже Рамы-с-Топором, сына Пламенного Джамада, — Эра Мрака не заканчивается гибелью мира.

Аскет помолчал. Странными бликами отливала пепельная кожа его иссохшего тела, обвитого тугими жгутами совсем не старческих мышц, и оставалось только надеяться, что это цвет возраста, а не пепла от сожженных трупов, коим полагалось умащаться всякому истинному отшельнику-шиваиту.

Маленькому удоду в зарослях олеандра было очень страшно.

Страшнее всех.

— Эра Мрака не заканчивается гибелью нашего мира, — сухо повторил сын Пламенного Джамада. — Она ею начинается.